

Грецкая Софья Сергеевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Факультет иностранных языков и регионоведения

gnole_fungle@mail.ru

Sophie Gretskaya

Lomonosov Moscow State University

Faculty of Foreign Languages and Area Studies

gnole_fungle@mail.ru

**Актуализация концепта «revenge/мечь» в романе И. Макьюэна
«Искупление» как когнитивная модель «выделяющихся примеров»**

**Actualization of the Concept «Revenge/Мечь» in ‘Atonement’ by
I. McEwan: A Salient Cognitive Model**

Аннотация

Статья посвящена исследованию индивидуальных импликаций концепта «revenge/мечь» в романе И. Макьюэна «Искупление». Актуализация концепта в художественном произведении рассматривается как когнитивная модель типа «выделяющиеся примеры», в терминологии Дж. Лакоффа.

Abstract

The article concerns the individual implications of the concept «revenge/мечь» in the novel ‘Atonement’ by I. McEwan. Concept actualization in a work of fiction is regarded as a type of cognitive models termed ‘salient examples’ by G. Lakoff.

Ключевые слова: актуализация концепта, индивидуальные импликации, когнитивная модель, «выделяющиеся примеры».

Key words: concept actualization, individual implications, cognitive model, ‘salient examples’.

Известно, что концептуализация и категоризация являются если не ключевыми, то одними из важнейших процессов познавательной деятельности человека. Структура

человеческой мысли характеризуется различными идеальными когнитивными моделями, которые воплощаются посредством систематических связей с воплощенными концептами. По Дж. Лакоффу, «человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения» [Лакофф, 2004: 23], и концепт является воплощенным, если его содержание или другие признаки мотивированы физическим или социальным опытом [Лакофф, 2004: 209].

Настоящая статья посвящена исследованию индивидуальных импликаций концепта «revenge/месть» (на материале романа И. Макьюэна «Искупление» (McEwan, 2002) как когнитивной модели «выделяющихся (salient) примеров» [Лакофф, 2004: 126] – модели, отличной от типичного или, например, стереотипного восприятия данного концепта в английском языке и культуре. Необходимость изучения индивидуальных импликаций концепта «revenge/месть» в английском языке обусловлена тем, что для исследователя в области лингвоконцептологии ценность представляют не только вербализаторы, образы, ассоциации, связанные с концептом, которые разделяют все или большинство членов данного языкового коллектива, но и те, которые существуют в сознании конкретных носителей рассматриваемых языков и культур, в частности, наиболее выдающихся их представителей.

Для анализа выбрано художественное произведение – продукт креативного мышления автора, его индивидуального творчества. Материалом для исследования послужил роман И. Макьюэна «Искупление» как один из примеров реализации темы ответа злом на зло, раскрывающейся во многих произведениях данного писателя. Целью является выявление ярчайших способов актуализации концепта «revenge/месть» в данном произведении, а также демонстрация обнаруженных несоответствий между закрепленными в словарях значениями типичных вербализаторов исследуемого концепта в английском языке и смыслами исследуемого концепта, которые реализуются в дискурсе.

Роман И. Макьюэна «Искупление» представляет собой не только историю женщины, жестоко оклеветавшей в тринадцатилетнем возрасте в силу юношеского тщеславия возлюбленного своей старшей сестры и разрушившей семейные отношения накануне Второй мировой войны, но и её попытку искупить вину перед близкими посредством написания книги, которая дала бы несправедливо обиженным людям надежду на воссоединение и счастье. Автор ведет речь о месте писателя относительно описываемых им событий, о его возможностях/рамках/способности/бессилии изменить исход реальных событий при помощи литературного творчества, об ошибках, расплачиваться за которые приходится в течение всей оставшейся жизни.

Следует отметить, что все контексты, тем или иным образом связанные с актуализацией концепта «revenge/мечь» в романе «Искупление», можно разделить на две подгруппы. К первой отнесем фрагменты романа, не имеющие непосредственного отношения к основной сюжетной линии произведения – клевете Брайони на Робби и попытке девушки искупить свою вину. Во вторую представляется логичным занести описания поведения и чувств героев, вызванных совершенным Брайони преступлением.

Обратимся сначала к эпизодам, актуализирующим концепт «revenge/мечь» безотносительно основной проблемной темы произведения. В первую очередь, это поведение Леона, старшего брата Брайони и Сесилии, во время разговора с приятелем Полом Маршаллом, которого Леон привез в родной дом знакомиться со своей семьей. Предшествует интересующему нас фрагменту произведения рассказ автора о детских шалостях Сесилии и Леона, заключавшихся в том, что дети незаметно от взрослых строили друг другу рожицы во время каких-либо серьезных мероприятий, с тем, чтобы другой не удержался от смеха в неподобающий для того момент. Так, Сесилия сумела рассмешить брата неожиданной гримасой во время самодовольного монолога его приятеля. Леон же, воспользовавшись сменой темы – теперь заговорили о Робби, друге детства Сесилии и Леона, с которым Сесилия недавно поссорилась – обращается к приятелю: *«He was in a teasing mood. **Revenge** perhaps. He said to his friend, “So the cleaning lady’s son gets a scholarship to the local grammar, gets a scholarship to Cambridge, goes up the same time as Cee – and she hardly speaks to him in three years!»* [McEwan, 2002: 30] – *«Брату явно хотелось подразнить ее – может, из чувства мести, – и он сказал, обращаясь к другу: – Этот парень, сын уборщицы, оканчивает местную классическую школу, учится в Кембридже, заметь, одновременно с Си, а она все эти три года едва разговаривает с ним!»* (здесь и далее перевод И.Я. Дорониной). В данном случае автором используется наиболее типичный способ языковой манифестации концепта «revenge/мечь» – лексема «revenge». Однако необходимо заметить, что в описанном эпизоде речь идет не о мести, о причинении зла в ответ на серьезную обиду (COBUILD, 1996; OED, 1987; WNUUD, 1983), а о незначительной отместке, о подшучивании брата и сестры друг над другом: конкретное языковое воплощение концепта «revenge/мечь» – лексема «revenge» – не полностью соответствует своему словарному значению, за этим средством оязыковления исследуемого концепта скрывается одна из граней ментального образования «revenge/мечь», которую, возможно, более точно можно было бы обозначить при помощи иных языковых средств объективации, например, фразового глагола «to get even with».

Другим важным, на наш взгляд, способом актуализации концепта «revenge/месть» является эпизод рассматриваемой подгруппы, в котором девочка вымещает на крапиве свою обиду: терпят крушение её планы поставить к приезду любимого брата Леона написанную специально для него пьесу. Растение является олицетворением обидчиков – раздражающей старшей кузины Лолы, вынудившей Брайони отдать ей главную роль, которую девочка хотела сыграть сама, и младших кузенов-близнецов Пьеро и Джексона, не понявших в силу своего возраста всей грандиозности замысла Брайони и не сумевших правильно, с точки зрения Брайони, воплотить своих персонажей.

Следует заметить, что, раня крапиву ореховым прутом, Брайони представляет себе не просто драку с кузенами, но совершает буквально убийство Лолы. Девочка неоднократно «наказывает» обидчицу, несмотря на её «мольбы», сначала за предполагаемые интриги против Брайони, затем за псевдоаристократическое высокомерное поведение, ущемляющее Брайони, и лишь в последнюю очередь карает Лолу «смертью» за общепризнанные пороки: чревоугодие, корыстолюбие, упрямство и т.д., причем получает от процесса зловещее удовольствие: *«A tall nettle with a preening look, its head coyly drooping and its middle leaves turned outward like hands protesting innocence – this was Lola, and though she whimpered for mercy, the singing arc of a three-foot switch cut her down at the knees and sent her worthless torso flying. This was too satisfying to let go, and the next several nettles were Lola too; <...> Then she rose again, brazen with her various sins — pride, gluttony, avarice, uncooperativeness – and for each she paid with a life. <...> When Lola had died enough, three pairs of young nettles were sacrificed for the incompetence of the twins – **retribution** was indifferent and granted no special favors to children»* [McEwan, 2002: 43] – «Высокая самодовольная крапива с жеманно склоненной головкой и нижними листьями, простертыми, словно руки ищущей защиты невинности, была Лолой, и как бы она ни молила о пощаде, изогнувшийся дугой свистящий трехфутовый прут скосил ее, заставив опуститься на колени. Брайони ощутила слишком большое удовлетворение, чтобы остановиться на этом, и несколько следующих стеблей крапивы тоже были назначены Лолой. <...> Каждая следующая крапивина наделялась одним из многочисленных пороков Лолы: гордыней, обжорством, корыстолюбием, упрямством – и была обречена пасть. <...> Когда «Лола» получила сполна и умерла окончательно, три пары молодых крапивных побегов заплатились за актерскую бесталанность близнецов – возмездие было хладнокровным, без снисхождения к нежному возрасту».

Брайони настолько увлекается причинением вреда всем тем, кто мешает исполнению ее прихотей, и устранением того, что доставляет ей неудобства, что не

замечает грани между вымещением обиды на крапиве и бесцельным хлестанием по растению – автор замечает, что через некоторое время после того, как девочка начала расправляться с крапивой, яркие образы обидчиков в её воображении меркнут, она превращается в обычного ребёнка, бездумно сбивающего головки крапивных метёлок [McEwan, 2002: 43]. Данное замечание наводит на мысль о том, что яростно мстящий, взбудораженный вспышкой гнева и расстройства, в какой-то момент причинения зла «обидчику» ловит себя на мысли о том, что не понимает, зачем он это делает, и продолжает приносить вред машинально, по инерции.

Аналогичную ситуацию наблюдаем в случаях с дракой в баре во Франции, во время отступления британских войск (когда артиллеристы, моряки и пехотинцы вымещают на единственном в пределах досягаемости мужчине в лётной форме злость на все британские ВВС, не прикрывающие отступающую колонну с воздуха – позволяющие немецким самолётам забирать жизни мирных жителей и военных) [McEwan, 2002: 142-144], в наблюдениях Брайони за поведением раненых в отношении медсестёр как представительниц «безмозглого начальства», таких же, как и их генералы [McEwan, 2002: 180], а также в описании возможного мотива Брайони, побудившего её оклеветать Робби [McEwan, 2002: 130-133].

В эпизоде с крапивой обращает на себя внимание «retribution». Словарное значение данной лексемы предполагает суровое наказание, справедливо заслуженное с точки зрения морали (WNDS, 1984). Сюжет же никак не оправдывает размах, с которым девочка сбивает крапиву – она всего лишь зла на кузенов за срыв постановки её пьесы. Таким образом, «retribution» в данном контексте приравнивается автором по смыслу к «revenge». Из последних трёх упомянутых фрагментов романа, связанных с причинением вреда выбранным «козлам отпущения», только в третьем один раз употребляется «to avenge», в остальных же вообще не используются типичные способы вербализации концепта «revenge/месть» в английском языке – само описание ситуации наводит читателя на мысль о параллелях между данными контекстами и эпизодом с крапивой.

Наконец, исследуемый концепт представлен как основная проблемная ситуация романа, порожденная воспалённым воображением эгоистичной девочки-подростка. Среди всех эпизодов второй выделенной подгруппы, раскрывающих переживания оклеветанного Робби и его возлюбленной Сесилии по поводу несправедливо нанесенного юноше невосполнимого ущерба, особенно выделяется следующее описание чувств Робби по отношению к обидчику: «*Yes, she was just a child. But not every child sends a man to prison with a lie. Not every child is so purposeful and malign, so consistent over time, never wavering, never doubted. A child, but that had not stopped him daydreaming in his cell of her humiliation,*

of a dozen ways he might find revenge. In France once, in the bitterest week of winter, raging drunk on cognac, he had even conjured her onto the end of his bayonet. <...> It was not reasonable or just to hate Briony, but it helped» [McEwan, 2002: 130] – «Да, она была ребёнком, но это не помешало ему в тюремной камере мечтать о том, как он унизит, растопчет её. Он придумывал десятки способов отомстить ей. Как-то в самую лютую неделю этой французской зимы, бесясь от злости и выпитого коньяка, он даже представил, как нанизывает её на свой штык. <...> Конечно, было неразумно и несправедливо ненавидеть Брайони, но от ненависти ему становилось немного легче».

Юноша намеренно держится за чувство ненависти к оступившейся девочке, чтобы вынести все испытания, выпавшие на его долю в тюрьме и на войне. Однако реального вреда обидчику в ответ на свои безграничные незаслуженные страдания он не причиняет, о чем свидетельствует как использование автором модального глагола при «revenge», так и сюжет. Мечь претворяет в жизнь не обиженный и не некто, решивший вступить за «жертву», а сам обидчик, причем такой элемент в словарных значениях «revenge» и других типичных средств оязыковления концепта «revenge/мечь» в английском языке отсутствует.

Обобщение результатов проведенного исследования позволяет заключить, что концепт «revenge/мечь» актуализируется в романе И. Макьюэна «Искупление» тремя способами, иными словами, представлен тремя основными «выделяющимися примерами»:

- Первый же обнаруженный в выбранном произведении важный вариант актуализации концепта «revenge/мечь» – это банальная в своей незначительности отместка – ответ мелкой неприятностью на такую же шалость – таковыми являются поддразнивания между Леоном и Сесилией.

- Другой «выделяющийся пример» актуализации выбранного для исследования концепта «revenge/мечь» в романе «Искупление» – это вымещение зла, которое герои держат на обидчика, на персонажах, не являющихся обидчиками, но имеющих с ними косвенную связь, будь то крапива, символизирующая в сознании Брайони её кузенов, неудачные попытки на драматургическом поприще или особенности взаимоотношений ребёнка со взрослыми, или военный в лётной форме, воплощавший для артиллеристов, моряков и пехотинцев британские ВВС, и, значит, все причины поражения английской армии на территории Франции, а также смерти многочисленных товарищей во время отступления.

- В-третьих, исследуемый концепт актуализируется как основная проблемная ситуация романа, причем обиженный хоть и испытывает естественную человеческую

неприятнь, а временами и откровенную ненависть по отношению к своему обидчику, не опускается до причинения ему зла в ответ на нанесенный ущерб. Возмездие над собой свершает сам обидчик: Брайони постепенно отдает себе отчёт в том, что в максималистском детском порыве намеренно разрушила жизнь нескольким людям, в том числе и себе. Это возмездие тем тяжелее, что осознание всего масштаба причиненного вреда приходит с возрастом, и эту идею подтверждает тот факт, что свою книгу-искупление Брайони переписывала несколько раз в течение пятидесяти девяти лет – а это больше половины сознательной, «взрослой» жизни героини.

Литература

1. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
2. *McEwan I.* Atonement. – New York: Nan A. Talese, 2002. – 351 p., ISBN: 0385503954 ebook. [Электронный ресурс] / Доступно из URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2648958> [Дата последнего обращения: 2 июня 2012].
3. COBUILD English Language Dictionary 2nd Edition: Helping Learners with Real English, Collins ELT, 1996.
4. The Oxford English Dictionary, Clarendon Press: Oxford, 1987.
5. Webster's New Dictionary of Synonyms: A Dictionary of Discriminated Synonyms with Antonyms and Analogous and Contrasted Words, Merriam-Webster Inc.: Springfield, MA, U.S.A., 1984.
6. Webster's New Universal Unabridged Dictionary 2nd Edition, Simon and Schuster: New York, 1983.